

УДК 811.16+362
ББК 81.141

ФУНКЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИРИКЕ

А.Ф. Щербаков

Средства выражения категории имперсональности как универсальной категории в славянских языках рассматриваются в изобразительно-выразительной функции, свойственной языковым единицам в поэтическом тексте; выявляется их роль в реализации идейно-художественного содержания стихотворений; характеризуется семантико-стилистический потенциал словоформ со значением безличности и анализируются способы их употребления, определяемые функцией эстетического воздействия.

Ключевые слова: имперсональность, поэтический текст, функция, русский, польский и болгарский языки.

Основные подходы к описанию функций языковых единиц в художественном тексте связаны с традициями, сложившимися в отечественной и зарубежной лингвистике [7; 19; 26]. В трудах ученых прежде всего рассматривается роль, назначение, цель употребления каких-либо средств [1, с. 47; 15, с. 128]. Специфика художественной речи обусловлена предназначением искусства, образным мышлением автора, стремлением воздействовать на читателя, переводя слово-понятие в слово-образ (в широком смысле) для изображения вымышленной действительности [13, с. 8, 81–82]. Г.О. Винокур писал, что «выражение “поэтический язык” может означать также язык в его художественной функции, язык как материал искусства» [8, с. 51].

О системной взаимосвязи языковых единиц как составных элементов целого в художественном тексте говорят многие исследователи [5, с. 59; 14, с. 599 и др.]. При этом рассматриваются не только близкорасположенные, но и дистантные контекстные связи (узкие и широкие). Значения стилистически окрашенных и нейтральных средств приобре-

тают новое качество в композиционно-смысловом единстве произведения. Данное явление имеет типичный характер, поэтому некоторые исследователи предлагают выделять особый тип лексического значения – «художественное значение» [2], релевантное для более глубоких слоев художественного текста – образного и идейного [16]. Специфической чертой функционирования языковых средств в рассматриваемой сфере является также наличие имплицитного идейно-эстетического содержания, требующего специальной интерпретации [14, с. 600].

Поэтический (художественный) текст, будучи необычайно сложным и противоречивым объектом, допускает выделение различных уровней. Широко распространенным является подход с позиции языковой стратификации. При этом одни ученые, например Ю.М. Лотман [17, с. 59], Л.Ф. Тарасов [22, с. 15], подчеркивают особую значимость лексического уровня, другие говорят о языковой доминанте текста [16, с. 26; 20, с. 79–80]. И.Я. Чернухина выделяет наряду с лексическим и синтаксическим уровнями текста «композиционно-синтаксический» [24, с. 9–10], Н.А. Змиевская дифференцирует композиционный и стилистический уровни [12, с. 17–18] и т. д. Н.С. Болотнова дает характеристику организации художе-

ственного текста, говоря о двух уровнях – информативно-смысловом и прагматическом [4, с. 29]; им соответствуют интеллектуально-информативная (или информативная) [там же, с. 42] и изобразительно-выразительная функции языковых единиц [5, с. 81]. Информативно-смысловая составляющая связана с номинативной функцией, предметно-логической, тематической, сюжетно-композиционной сторонами произведения. Функция эстетического воздействия реализуется в результате экспрессивно-стилистического и функционально-стилистического использования языковых средств, сопряженного с эмоционально-образной и идейно-художественной направленностью текста [4, с. 29].

Таким образом, слово в тексте может сообщать о денотате, называя его и характеризуя определенным образом (в том числе на основе экспрессивно-стилистического усиления); отражать элемент микротемы или микротему; воплощать ситуацию; выполнять изобразительно-выразительную функцию; создавать микрообраз [там же, с. 31; 14, с. 599–600].

Исследуемая нами категория имперсональности и средства ее выражения в поэтическом тексте имеют план выражения и план содержания. В русском, польском и болгарском языках прежде всего выделяются безличные глаголы, характеризующиеся соответствующим морфологическим показателем; безлично-предикативные слова, включающие наречия на *-o*, модальные предикативы, языковые единицы, совпадающие по форме с существительными; форм на *-no/-to* (*-no/-to*) с общим страдательным значением. Имперсональность в рассматриваемых славянских языках реализуется также конструкциями с отрицанием, главным компонентом которых в русском языке выступает слово *нет* (плюс связочный глагол с отрицанием в форме прошедшего или будущего времени), в польском языке негативный компонент представлен глаголом *nieć* с отрицанием *nie*, в болгарском – глаголом *няма*, выражающим значение негативности префиксом *ня-* [10; 11, с. 32; 27, с. 160–161].

Обобщая различные классификации, можно сказать, что с семантической точки зрения безличность связана с обозначением состояния природы и окружающей среды;

бытия, существования, наличия/отсутствия; недостатка, полноты, прибавления/убыли; физиологического и психического состояния человека; ощущений от внешних явлений; недостоверного восприятия действительности; расположения субъекта к действию; представления о судьбе, роке; функционального состояния; действий, осуществляемых неуказанным производителем; самостоятельно, непроизвольно возникающих процессов [6, с. 384–385; 9, с. 129–130; 10, с. 27; 11, с. 13–42; 18, с. 38–42; 23; 25, с. 92–94; 27, с. 158–165].

Источником для отбора языковых фактов в данном исследовании является лирика славянских поэтов середины XX – начала XXI в.: С. Васильева, Р. Казаковой, В. Шимборской, А. Ксёнжика, В. Балевой, А. Андреева и др. В исследуемых произведениях средства выражения безличности выполняют информативную функцию и участвуют в идейно-содержательной и композиционной организации текста. Предметно-логическая сторона языковых единиц со значением имперсональности проявляется в их лексической семантике, содержательная составляющая связана с выражением идей и мотивов. Сюжетно-композиционная роль средств выражения безличности заключается в способности выступать ключевыми элементами фрагментов, обособленных отрезков целого высказывания.

Проанализированный материал показал, что в современной славянской лирике самыми частотными являются отрицательные конструкции и безличные глаголы с семантикой бытия/существования, наличия/отсутствия, предикативные наречия, указывающие на психическое или физическое состояние субъекта, формы на *-no/-to*, употребляемые для обозначения действий, произведенных названным либо неназванным субъектом, а также представлений о судьбе, роке. В русской лирике заметную роль играет стремление поэта выразить ощущения от внешних явлений, психическое или функциональное состояние, социальную оценку чего-либо, например:

Морозами расколота,
Земля все ждет его [снега].
И мне, как полю,
Холодно
Без смеха твоего (Дементьев, с. 119).

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание безлично-предикативное наречие *холодно*, с помощью которого поэт соотносит внешнее состояние природы и внутреннее состояние лирического героя: лирическому герою холодно без смеха любимой, а полю холодно без снега. Безлично-предикативное слово *холодно* наполняется в контексте смыслом «плохо, грустно, одиноко»; смех возлюбленной, с которой хочет встретиться автор, является для него источником душевного тепла, радости, счастья. Адвербиальное средство выражения категории имперсональности служит ключевым элементом выражения эмоционально-чувственного образа.

Польские поэты обращаются к воображаемому собеседнику, побуждая его к философским размышлениям, например Анджей Ксёнжик в стихотворении «Parasol»:

*Głos natury przywołuje stado
wilków na skraju puszczy <...>
Głos kultury jest sopranem <...>
mój głos
pośród wrzasku i chaosu prawie
trzeciego tysiąclecia.
Lepiej milczeć* (Książek, s. 88).

В сочетании с инфинитивом *milczeć* «молчать» [21, с. 222] безлично-предикативное наречие *lepiej* «лучше» [там же, с. 192], имеющее оценочную семантику, используется для выражения противоположного смысла, который заключается в том, что молчание тоже является голосом, которым можно выразить отношение к событиям, совершающимся независимо от воли субъекта.

В произведениях болгарских поэтов изображается пессимистичное пассивное состояние героя, испытывающего негативные эмоции, чувства. Например, в стихотворении Андрея Андреева «Нощ през август»:

*От миналото не остана нищо
като че нищо и не е било <...>
и свечерява и не свечерява* (Андреев, с. 22).

Глагол *свечерява* «вечереет/темнеет» [3, с. 597], реализующий в контексте конкретно-процессное значение несовершенного вида, указывает на неопределенное состояние природы, связанное с наступлением темного вре-

мени суток. Это необходимо автору для размышлений о «вечере жизни», когда подводятся итоги всему, что было сделано. Поэтическое изображение безысходности с использованием предиката, при котором субъект не может быть выражен, усиливает эффект отстраненности деятеля (носителя предикативного признака) от ситуации, способствует пассивно-пессимистической характеристике субъекта состояния.

Средства выражения безличности могут играть важную роль в композиционной структуре текста, выступая в составе фигур стилистического синтаксиса – параллелизма, анафорических или эпифорических повторов, рефрена и др. Например, в стихотворении Риммы Казаковой «Не получилось»:

*Смысла от вымысла не отличала,
не замечала: не получилось!*

<...>

Ты не сумел? Или я не сумела?

Больше не важно: не получилось.

<...>

*Завтра, быть может, опомнится, стукнет
в сердце... Да поздно. Не получилось*

(Казакова 1985, т. 2, с. 77).

Говоря о несчастной любви, лирическая героиня не склонна обвинять в этом своего возлюбленного, а, наоборот, стремится защитить его, желает ему добра, пытается объяснить неудачи вмешательством судьбы. Словоформа безличного глагола с отрицанием «не получилось» членит поэтический текст на фрагменты, внутри которых раскрываются отдельные мотивы (неопытность юной девушки, смирение, сожаление о случившемся), при этом глагол получает дополнительные обертоны и наполняется разным содержанием.

Замечено, что средства имперсональности используются в составе развернутых метафор: *И поздно уже или рано решать уравнение любви* (Казакова 1985, т. 1, с. 59), *Отпихивай – сместа се разшавва и ти горчи, от мътилка настоящето е съставено* (Иванова, с. 21), сравнений: *А шаль... как будто белый флаг над челном ветром било* (Агеев, с. 6); языковые единицы со значением безличности выступают в роли олицетворений: *brzoza, ktorej wciąż zbiera się na płacz* (Szyborska, s. 36), си-

нектохи: *Zachciało się mej głowie śnić miłość wśród południa!* (Ogród miłości, s. 40). Имперсональность различным способом выражается в риторических восклицаниях: *Я влюблена и от любви умру, – о, если бы и вправду так случилось!* (Казакова 1980, с. 18); *Надо ж такому случиться!* (Васильев, с. 41); *Stać się miało gdziekolwiek i już się nie stanie!* (Ogryd miłości, s. 71); *O nie! O nie! W godzinie złej nie trzeba spadać z miny swej!* (Szymborska, s. 89); экспрессивно-вопросительных конструкциях: *Что хорошо тебе служилось, но хорошо ль тебе жилось?* (Казакова 1985, т. 1, с. 326); *Ужели спасенья нет?* (Васильев, с. 37). Средства выражения безличности могут участвовать в формировании антитезы: *Така ми се смее. А пък трябва да ми е мъчно* (Балева, с. 40); синтаксического параллелизма и анафорического повтора: *Czy było komu kochać kogo? Czy było komu walczyć z kim?* (Szymborska, s. 56); кольца: *Tańczono twarza przy twarzy. Tańczono* (ibid., s. 9); *He wали. Много дълго съвсем не вали* (Балева, с. 15) и др.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в русской, польской и болгарской лирике обнаруживается использование сходного состава средств выражения категории имперсональности, реализующих информативную и изобразительно-выразительную функции, однако эти средства могут употребляться в контекстах с различной семантической наполняемостью, что приводит к образованию доминантных смыслов, отражающих особенности мировосприятия личности, представителя русского, польского и болгарского народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1973. – 303 с.
2. Барлас, Л. Г. Специфика художественно-речевой семантики и особенности ее анализа / Л. Г. Барлас // Основные понятия и категории стилистики. – Пермь : Изд-во ПГУ, 1982. – С. 115–121.
3. Бернштейн, С. Б. Болгарско-русский словарь / С. Б. Бернштейн. – М. : Рус. яз., 1986. – 768 с.
4. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.
5. Васильева, А. Н. Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов : учеб. пособие / А. Н. Васильева. – М. : Рус. яз., 1983. – 256 с.
6. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов / отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
7. Виноградова, В. Н. Стилистические функции словообразовательно мотивированных слов в художественной прозе / В. Н. Виноградова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М. : Наука, 1977. – С. 289–335.
8. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур ; сост. Т. Г. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
9. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 332 с.
10. Георгиев, И. Безличные предложения в русском и болгарском языках / И. Георгиев. – София : Народна просвета, 1990. – 157 с.
11. Грамматика русского языка : в 2 т. Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 440 с.
12. Змиевская, Н. А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста (на материале англ. и амер. прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Змиевская. – М., 1978. – 21 с.
13. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / М. Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1993. – 224 с.
14. Кожина, М. Н. Художественный стиль речи / М. Н. Кожина, Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 594–608.
15. Кузьмина, Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Кузьмина. – СПб., 2004. – 181 с.
16. Купина, Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. – 160 с.
17. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Тр. по знаковым системам. Вып. 1. – Тарту : Тарт. ун-т, 1964. – 195 с.
18. Петров, А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка / А. В. Петров. – Архангельск : Пом. ун-т, 2007. – 295 с.
19. Слюсарева, Н. А. Функции языка / Н. А. Слюсарева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 564–565.

20. Студнева, А. И. Языковая доминанта и методика лингвистического анализа текста / А. И. Студнева // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Казань : [б. и.], 1979. – С. 77–89.

21. Стыпула, Р. Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. Ковалева. – М. : Рус. яз., 2004. – 724 с.

22. Тарасов, Л. Ф. К методике лингвистического анализа поэтического произведения / Л. Ф. Тарасов // Русский язык в школе. – 1972. – № 4. – С. 15–19.

23. Тупикова, Н. А. Формирование категории ин-персональности русского глагола / Н. А. Тупикова. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – 264 с.

24. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – 115 с.

25. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 527 с.

26. Babby, L. H. Lexical functions and syntactic construction / L. H. Babby // Papers from the parasession on the lexicon. – Chicago : CLS, 1978. – P. 26–33.

27. Bartnicka, B. Gramatyka języka polskiego / B. Bartnicka, H. Satkiewicz. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1990. – 378 s.

ИСТОЧНИКИ

Андреев, А. Пътюм. Поезия / А. Андреев. – София : Захарий Стоянов, 2000. – 57 с.

Агеев, Л. М. Мой человек : стихотворения / Л. М. Агеев. – Л. : Лениздат, 1968. – 127 с.

Балева, В. Някъде въвн от живота. Поезия / В. Балева. – София : Захарий Стоянов, 1999. – 47 с.

Васильев, С. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения 1932–1974 / С. А. Васильев. – М. : Худож. лит., 1977. – 390 с.

Дементьев, А. Д. Стихи о любви / А. Д. Дементьев. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2008. – 320 с.

Иванова, В. Нощем : стихове / В. Иванова. – София : Захарий Стоянов, 2001. – 40 с.

Казакова, Р. Ф. Страна любовь / Р. Ф. Казакова. – М. : Мол. гвардия, 1980. – 207 с.

Казакова, Р. Ф. Избранные произведения : в 2 т. / Р. Ф. Казакова. – М. : Худож. лит., 1985.

Książek, A. Między dawnymi a nowymi laty. Wybór wierszy / A. Książek. – Warszawa : Wyd. Akme, 2000. – 108 s.

Ogród miłości. – Lublin : Krajowa agencja wydawnicza w Lublinie, 1984. – 151 s.

Szyborska, W. Wiersze wybrane / W. Szyborska. – Kraków : Wyd. «a5», 2000. – 363 s.

FUNCTIONS OF IMPERSONALITY MEANS IN RUSSIAN,
POLISH AND BULGARIAN POETRY

A.F. Shcherbakov

Means of impersonality as a universal category in Slavic languages are viewed in a figurative function, peculiar to linguistic units in poetry; the author determines their role in poems' artistic content, describes semantically stylistic potential of word forms with impersonal meaning and analyses ways of their use determined by the aesthetic effect function.

Key words: *impersonality, poetry, function, Russian, Polish and Bulgarian languages.*